

Последний раз я видел Терезу Батисту в феврале этого года на террейро¹, где праздновалось пятидесятилетие Матери Святого² Менининьи до Гантоис, и Тереза, стоя на коленях в белой широченной юбке и кружевной кофте, просила благословения у иалориши³ Баии, чье имя одним из первых почитают друзья автора и девицы Терезы, среди которых имена Назарета и Одило, Зоры и Олинто, Инас и Дмевала, Аута Розы и Калá, девочки Эунисе и Шико Лиона, Элизы и Алваро, Марии Элены и Луиса, Зиты и Фернандо, Клотилде и Рожерио, живущих по ту и эти стороны океана, а мать Менининья и присутствовавший на террейро автор из еще более дальних краев — из царства Кету, с песков Аиока, они дети Ошосси и Ошуна⁴. Аше.

Песенка Доривала Кайми для Терезы Батисты.

Меня зовут сиа⁵ Тереза,
Розмарина аромат.
Хочешь говорить со мною,
Положи-ка в рот свой пат.

¹ Место, где проходят праздники афробразильского культа кандомблэ, макумба.

² М а т ь С в я т о г о — старшая жрица на кандомбле.

³ И а л о р и ш а — жрец на кантомбле.

⁴ О ш о с с и, О ш у н — божества афробразильского культа.

⁵ С и а — сокращенно «сеньора».

Цветок в волосах,
Цветы на груди,
Море и река.

Чума, голод и война, смерть и любовь — это жизнь Терезы Батисты, ее простая история.

Gue ta coquille soit très dure pour te
permettre d'être très tendre:
la tendresse est comme l'eau: invincible.

*Andre Bay.
Aimez-vous les escargots?¹*

Когда все узнали, что я снова еду в те места, откуда родом Тереза Батиста, меня попросили узнать, как там она, и написать обо всем, что о ней известно, а это говорит, что не перевелись на земле любопытные люди, нет, не перевелись.

Вот поэтому-то, такой озабоченный, и бродил я по местам событий прошлого, появляясь то на праздниках сертана², то на пристанях и не теряя уверенности найти, и со временем наконец нашел и завязки, и сюжеты. Одни любопытные, другие печальные, каждый в своем роде и согласно моему пониманию. Все обрывки историй, все звуки музыки и танцевальные па, все крики отчаяния, любовные вздохи, все, все, что смог услышать и понять, я связал воедино для тех, кто интересовался судьбой девушки цвета меди, ее жизнью и несчастьями. Сообщить что-нибудь особо значительное я не могу: люди тех лет не больно разговорчивы, и тот, кто знает, обычно помалкивает, чтобы не схлопотать диплом лгунишки.

Выпавший на долю Терезы жизненный путь прошел через земли, что лежат по берегам реки Реал, на границе штатов Баии и Сержипе, в самом Сержипе и его столице. Территория эта, за исключением столицы, где живут упрямые поющие

¹ Пусть раковина твоя будет тверже,
чтобы нежность твоя была нежнее,
нежность, как вода: непобедима.

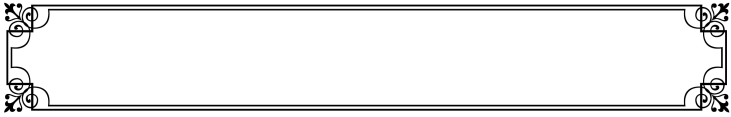
*Андре Бей.
Любите ли вы улиток?*

² Сертан — засушливый район Бразилии.

и танцующие батукке мулаты, населена кабокло и кафузами¹. Когда я говорю о главной столице этого северного народа, все понимают, что речь идет о городе Баия, часто называемом, никто не знает почему, Салвадором. Нет нужды ни обсуждать, ни оспаривать, что название Баия знакомо и двору Франции, и снегам Германии, не говоря уже об Африканском побережье.

Простите, что не рассказываю о Терезе во всех подробностях, но только потому, что многого не знаю, однако, может, есть кто-то, кто знает все о ней, о ее тяжком труде и отдыхе? Но очень сомневаюсь.

¹ Ка б о к л о — метис от брака индейца и белого; к а ф у з — метис от брака индейца и негра, негра и мулата.

СВАДЬБА ТЕРЕЗЫ БАТИСТЫ, или ЗАБАСТОВКА
ЗАКРЫТОЙ КОРЗИНЫ в БАИИ, или ТЕРЕЗА
БАТИСТА СБРАСЫВАЕТ СМЕРТЬ в МОРЕ

1

*П*оскольку вы, мой друг, так деликатно спрашиваете, я вам отвечу: беде только дай прийти. Пришла, никто ее не останавливает, она располагается, осваивается — продукт дешевый, широкого потребления. Радость, мой друг, наоборот, растение капризное, трудно выращиваемое, плохо определяемое, быстро вянущее и не зависящее ни от солнца, ни от дождя, ни от ветра, оно требует каждодневного ухода и удобренную почву, не сухую и не слишком влажную, — дорогостоящая культура по карману только богатым. Радость сохраняется в шампанском; кашаса¹ утешает в беде, если, конечно, утешает. Беда — это конец обломанной ветки, сохраняющей жизненные силы. Воткнутая в землю, она тут же покрывается листьями, не требуя никакого ухода, растет самостоятельно, ветвится, приживается везде и всюду. На дворе бедняка, друг, беда в изобилии, другого растения и не увидишь. Если у кого кожа нежная и спина слабая, он сломается, набьет себе мозоли где только можно, и ничто и никто ему не поможет. И еще скажу совсем не для похвалы себе и не для того, чтобы умыть руки, а ради правды: только сам бедняк способен справиться с бедой и продолжить свой жизненный путь. Все сказано, но, может, это не ответ, тогда я хочу задать вопрос: что, друг мой, вас интересует? Сколь велики беды Терезы Батисты? А может, вы способны облегчить их?

На плечи Терезы свалилась большая беда, не многие парни смогли бы с ней справиться, а Тереза справилась, и с успехом, и никто не видел ее жалующейся на свою судьбу, просящей со-

¹ Бразильская водка.

страдания, редко кто помогал ей, если и был таковой, то по дружбе, а совсем не из-за слабости этой отважной девушки. Где же прятала Тереза свою печаль? Да ведь печаль для Терезы, мой друг, ничего не значила, радость — вот что она ценила. Хотите знать, не железная ли была Тереза, не из брони ли было ее сердце? Кожа Терезы была цвета меди, сердце — масло сливочное, вернее сказать, мед; доктор¹ Эмилиано, хозяин завода — кому ее знать лучше? — иначе, чем Тереза Сладкий Мед или Сотовый, и не называл. Это как раз то единственное наследство, что он ей оставил.

В жизни Терезы беда зацвела рано, и мне хотелось бы знать, многим ли храбрецам удалось бы противостоять всему тому, чему противостояла Тереза в доме капитана² и выжила.

Кто этот капитан? Да капитан Жусто, скончавшийся Жустиниано Дуарте да Роза. Капитан каких войск? Какого рода оружия? Оружием ему служили плетъ из сыромятной кожи, кинжал, немецкий пистолет, крючоктворство, злость, звание богача, хозяина земли, конечно, не такого богача и не такого землевладельца, что дает право на эполеты полковника, но вполне достаточное, чтобы не называться простым крестьянином и получать дивиденды. Земли полковника — это легуа³ зеленого тростника, им владеет Эмилиано, старший из Гедесов, хозяин завода, человек образованный, с дипломом, трубкой и кольцом доктора, захоти он того звания. Да, друг, и это сегодняшние времена, но не стоит волноваться: звания меняются — полковник, доктор, десятник — управляющий, фазенда — предприятие. Неизменны только богатство и бедность. Богатство — это богатство, а бедность — это бедность со зловонным запахом беды.

Могу заверить, мой друг: начало жизни Терезы Батисты было тяжелым началом, горе, которое она познала девчонкой, не всякий познает в аду; без отца и матери, одна-одиношенька на всем белом свете против Бога и против дьявола, ведь к ней даже сам Бог не испытывал жалости. И поэтому Тереза прошла самый трудный, труднее не бывает, жизненный путь

¹ В Бразилии — человек, получивший высшее образование, на пальце он носил докторское кольцо.

² Капитан — звание капитана или полковника в Бразилии присваивалось крупным землевладельцам.

³ Легуа — мера длины.

и, несмотря ни на что, осталась жива и здорова, говорю так потому, что так говорят другие. А если уважаемый друг сам во всем желает удостовериться, пусть сядет в поезд с Восточного вокзала, что идет в сторону сертана, и все своими ушами услышит во всех подробностях.

Самым трудным для Терезы было научиться плакать, потому что родилась она для того, чтобы радостно жить и смеяться. А вот этого-то ей и не удавалось, но Тереза была упряма, упрямее осла. Плохое сравнение, друг, ведь у осла ничего нет, кроме упрямства, а у Терезы столько достоинств, так что если кто такое и сказал, то захотел обмануть или вовсе не знал Терезу Батисту. Тиранкой Тереза была только в любви, ведь она родилась для любви и в любви была требовательной. И почему ее прозвали Тереза Ловкая Драчунья? Скорее всего потому, что в драке она была действительно ловкая, а по смелости, гордости и медовому сердцу не имела себе равных. В уличных скандалах и драках она никогда не принимала участия, но вот чего с детства не могла терпеть и не могла видеть — как мужчина бьет женщину.

2

Объявленный дебют Терезы Батисты, который должен был состояться в кабаре «Веселый Париж», что находится в здании «Ватикана» у пристани Аракажу — главного города штата Сержипе, и о котором раззвонили во все колокола, вынуждены были отложить на несколько дней не без ущерба для хозяина заведения Флориано Перейры, известного под кличкой Флориано Хвастуна, уроженца Мараньяна, из-за необходимости изготовить зубной протез для звезды представления. Флори стойко, не жалуясь и никого попусту не обвиняя, как это с легкостью обычно делают в таких случаях, выдержал выпавшее на его долю испытание.

Дебют Сверкающей Звезды самбы — Хвастун был мастак на броские афиши — вызвал большой интерес в определенных кругах, уже наслышанных о Терезе Батисте, имя которой передавалось из уст в уста и на рынке, и в порту, и везде, где только можно. Привез Терезу Батисту к Флори доктор Лулу Сантос, доктором его величал простой люд, в действительности же Лулу был известным во всем Сержипе народным защитником (адвокатом без диплома), прославившимся

своими едкими эпиграммами и остроумными фразами, которые он пускал на заседаниях суда. Его поклонники все услышанное ими остроумие приписывали только ему, одинаково сведущему как в гражданском праве, так и в кружке пива, за которой он каждый вечер в кафе или баре «Египет» веселил завсегдатаев, вышучивал самодовольных субъектов, отпускал соленые анекдоты, попыхивая своей любимой сигарой. В детстве Лулу Сантос переболел полиомиелитом и теперь передвигался только на костылях, что никак не влияло на его доброе расположение к людям. С Терезой Батистой его связывала давняя дружба, ведь это он несколько лет тому назад по просьбе и за счет доктора Эмилиано Гедеса — хозяина завода и обширных земель в двух штатах, теперь уже умершего (и столь удивительно!), — ездил в Баию, чтобы добиться отмены начатого судебного процесса против тогда еще несовершеннолетней Терезы Батисты. Теперь, конечно, это дело прошлое, да и не о нем толк, а о дружбе девушки и адвоката без диплома, который один стоит многих дипломированных бакалавров права с их покровителями, диссертациями, докторскими шапочками и прочая, прочая.

В кабаре негде было упасть яблоку, шумно, празднично, оживленно. «Полуночный джаз-банд» входил в раж, посетители пили пиво, коктейли, виски. В «Веселом Париже» — как известно из проспектов, в изобилии распространяемых в городе, — «золотая молодежь развлекается по умеренным ценам». За золотую молодежь в Аракажу сходили торговцы и чиновники, студенты и служащие, коммивояжеры, поэт Жозе Сарайва, молодой художник Женнер Аугусто, одни получившие образование, другие — нет, но перепробовавшие массу профессий, разного возраста, чья молодость в большинстве случаев перевалила за шестой десяток. Флори Хвастун, невысокий болтливый метис, из кожи лез, чтобы сделать первое появление Терезы на сцене «Веселого Парижа» незабываемым событием. Впрочем, таковым оно и стало.

3

В день дебюта Терезе Батисте было не по себе, даже начался нервный тик, который она всеми силами пыталась скрыть. Сидя за стоящим в углу зала столиком, она ждала часа, когда

должна была надеть костюм баиянки, чтобы выйти на сцену, и слушала Лулу Сантоса, который посвящал ее в местные сплетни, рассказывая о каждом посетителе. Недавно появившаяся в Аракажу Тереза не знала никого из них, тогда как адвокат знал всех и вся.

Несмотря на царящий полумрак и задвинутый в угол столик, за которым сидела Тереза, красота ее не осталась незамеченной. Лулу Сантос привлек внимание Терезы к одному из столиков, за которым сидели двое бледных молодых людей — один болезненно бледный, бледность же другого была характерна для гринго¹ с голубыми глазами, живущего в Сержипе, оба потягивали коктейль.

— Поэт не спускает глаз с тебя, Тереза.

— Какой поэт? Этот юнец?

Молодой человек с болезненно бледным лицом, положив на сердце руку, что должно было свидетельствовать о чувстве дружбы и преданности, встал и поднял бокал, приветствуя Терезу и адвоката. На что в ответ Лулу Сантос помахал рукой, держащей сигару.

— Жозе Сарайва — талант мирового масштаба, поэтище. К сожалению, жить ему осталось недолго.

— А что с ним?

— Чахотка.

— Почему он не лечится?

— Лечиться? Да он убивает себя, все ночи напролет пьет, это же богема! Известный в Сержипе прожигатель жизни.

— Большой, чем вы?

— Рядом с ним я паинька, пью свое пиво — и все. Он же не знает меры. Похоже, хочет своей смерти.

— Плохо, когда человек хочет умереть.

Джаз, после того как музыканты пропустили по кружке пива, заиграл с новым воодушевлением. Поэт, оставив свой столик, подошел к Лулу и Терезе.

— Лулу, дорогой, представь меня богине вечера.

— Моя подруга Тереза — поэт Жозе Сарайва.

Поэт поцеловал руку Терезе, он уже был навеселе, но в глазах его читалась грусть, столь не соответствующая его развязным манерам и необдуманным поступкам.

¹ Так в Бразилии называют иностранцев.

— Зачем столько красоты сразу? Даже если поделить на троих, вы все равно в убытке не останетесь. Давайте потанцуем, моя богиня?

Двигаясь к танцевальной площадке, поэт Сарайва остановился у своего столика, чтобы допить коктейль и представить Терезу приятелю.

— Полюбуйся, художник, совершенной моделью, достойной кисти Рафаэля и Тициана.

Художник Женнер Аугусто — именно он сидел за столиком — внимательно посмотрел на Терезу, чтобы никогда ее не забыть. Тереза мягко улыбнулась, но безразлично, ведь сердце ее закрыто, пусто, ему безразличны и восхищенные, и похотливые взгляды, теперь она была спокойна и почти владела собой.

Танцую, Тереза и поэт оставили столик. На влажном лбу молодого человека выступили капельки пота, хотя в его объятиях была самая легкая, самая воздушная и музыкальная партнерша. Музыка ее научили птицы, а танцам — доктор. Танцует она превосходно и делает это с наслаждением, забывая обо всем на свете: в такт музыке идет с закрытыми глазами.

Жалко только, что приходится открывать их, чтобы лучше понимать поэта, у которого из больной груди вместе с веселыми словами рвется настойчивый и непрерывный свист.

— Так, значит, Сверкающая Звезда самбы — это вы? А знаете, что реклама Флори — истинная поэма? Естественно, не знаете, да и зачем вам, ваша задача — быть красивой, и все. Между тем я, прочитав рекламирующую ваш дебют афишу, спросил себя: Сарайва, а что же такое случилось с Хвастуном, что он стал поэтом? Теперь я могу ответить, и не только ответить. Могу написать десятки поэм, уж я как-нибудь переплону Флори.

Он уже было собирался, не прерывая танца, прочесть слагающиеся сами собой хвалебные и льстивые вирши и, безусловно, сделал бы это, если бы совсем рядом с ними не начался скандал, который положил начало большой драке.

Тесно прижавшаяся друг к другу — щека к щеке — парочка кружилась в танце. Мужчина, похожий на коммивояжера, во всяком случае, по одежде: спортивному франтоватому пиджаку, яркому галстуку — и густо напомуаженным волосам, с улыбкой расточал комплименты и клятвы пышнотелой

неопытной девице с миловидным профилем, а девица с удовольствием внимала его сладким речам и явно восхищалась элегантностью и изяществом манер партнера, но не сводила беспокойного взгляда с двери. И вдруг она произнесла:

— Боже, Либорио! — Вырвалась из рук партнера, бросилась было бежать, но, осознав, что бежать некуда, в ужасе заплакала.

Этот самый Либорио, появившийся в сопровождении трех дружков, чей приход вызвал панику у девушки, был высокого роста, одет в черное, точно в строгий траур, с отеками глазами, редкими волосами, безвольным ртом и опущенными плечами, ну, ни намек на красоту. Он подошел к танцующей девушке, встал перед ней и сказал гнусавым голосом:

— Это так-то, сеньора шлюха, ты пошла в Проппа навещать большую мать?

— Либорио, ради бога, не устраивай скандала.

Коммивояжер, наученный горьким опытом общения с подобными девицами и не желающий пятнать и без того не слишком незапятнанную репутацию в фармацевтической лаборатории, по поручению которой он и разъезжал по штатам Баия, Сержипе, Алагоас («превосходный продавец, способный, предприимчивый и серьезный, однако любящий женщин, кутежи, потасовки в кабаре и публичных домах и даже подвергавшийся арестам»), решил потихоньку улизнуть, в то время как его соседи по столу и профессии поднялись из-за стола на случай, если ему потребуется помощь.

Поэт уже готов был продолжать крутить Терезу в танце, не придавая значения случившемуся (в кабаре часто можно увидеть оскорбленного рогоносца), как прозвучала пощечина, да такая звонкая, что звука ее не заглушила даже музыка. Тереза тут же, когда долговязый снова ударил по лицу девушку и так же гнусаво, как не раз доводилось Терезе слышать в прежние времена, сказал: «Сука, научись меня уважать!» — остановилась. Голос был иной, но слова те же и тот же звук пощечины.

В мгновение ока Тереза вырывается из объятий поэта Сарайвы и бросается к Либорио.

— Мужчина, который бьет женщину, не мужчина, а слабак... — И, стоя перед верзилой, она поднимает голову и продолжает: — А слабака я не бью, я плюю ему в морду.

Плевков летит (играя с мальчишками в разбойников, Тереза натренировалась и делала это очень метко), но на этот раз цели не достигает: субъект высокого роста, и вместо гадкого гноящегося глаза он попадает в шею.

— Шлюха!

— Если ты мужчина, ударь меня.

— Сию секунду, сеньора шлюха.

— Ну, давай бей! — подначивала она его, но сама времени не теряла: вот она заносит ногу, чтобы ударить в пах, и опять промахивается — уж очень длинные у того ноги. Тереза теряет равновесие и повисает на руках дружков Либорио, которые скручивают ей за спиной руки и подставляют ее лицо под кулаки верзилы. Не получив удовлетворения от удара, нанесенного своей девице, Либорио железным кулаком бьет Терезу по губам.

Поэт Сарайва бросается на Либорио, старающегося подмять под себя Сверкающую Звезду самбы, и все трое катятся по полу. В какой-то момент Тереза оказывается на ногах и снова плюет в лицо верзилы, на этот раз слюна летит со сгустком крови и кусочком зуба. И к тем и к другим спешит подкрепление: с одной стороны — дружки рогоносца, с другой — художник Женнер Аугусто, закусивший губу от злости, и коммивояжер, который из осторожности бросил на произвол судьбы свою партнершу, ведь незнакомая девушка сделала то, что должен был сделать он. Забыв обо всем на свете и о риске себя скомпрометировать, однако надеясь вернуть уважение коллег, он очертя голову бросается в бой. Джаз продолжает играть, но танцующие пары покидают площадку, освобождая ее для сражающихся. Один из посетителей, взобравшись на стол и размахивая двадцатью крузейрами¹, кричит:

— Ставлю на девушку, кто принимает вызов?

Терезе удалось схватить верзилу за редкие волосы и вырвать клоч. Верзила пытается схватить ее и своим железным кулаком выбить еще один зуб, но Тереза, легкая и ловкая, увертывается, прыгает, выделяет удивительные танцевальные па, плюет, плюет в его лицо, ловя удобный момент нанести удар в пах.

¹ Крузейро — денежная единица в Бразилии.